

Российская академия наук
Карельский научный центр

СЕВЕРНАЯ ЕВРОПА В XXI ВЕКЕ: ПРИРОДА, КУЛЬТУРА, ЭКОНОМИКА

*Дополнительные материалы международной конференции,
посвященной 60-летию КарНЦ РАН
(24–27 октября 2006 года)*

Секция: «Общественные и гуманитарные науки»

Подсекция «Новые методы исследования в гуманитарных науках»
(школа молодых исследователей «Бубриховские чтения»)¹

Петрозаводск
2006

¹ Школа молодых исследователей «Бубриховские чтения» проводится в рамках программы Президиума РАН «Поддержка молодых ученых»

Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика. Дополнительные материалы Международной конференции, посвященной 60-летию КарНЦ РАН (24-27 октября 2006 г., г. Петрозаводск). Секция «Общественные и гуманитарные науки». Подсекция «Новые методы исследования в гуманитарных науках» (школа молодых исследователей «Бубриховские чтения»). Петрозаводск: Изд-во КарНЦ РАН, 2006.

ISBN

© Коллектив авторов, 2006
© Карельский научный центр РАН, 2006

ЭВФЕМИЗАЦИЯ ЗООНИМОВ В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

О. М. Жаринова

Карельский государственный педагогический университет, Петрозаводск, Россия

Словесное табу, возникшее ещё в доанимистическую эпоху, обусловлено религиозно-мировоззренческими архаическими требованиями. Психологической предпосылкой явления табу стало антропоморфическое представление древнего человека о том, будто звери понимают человеческий язык. Страх вынуждал его переименовывать зверя, находить более подходящие на его взгляд слова. В процессе переименования при помощи «смягчающего выражения» - эвфемизма происходит смена словесного обозначения без смены денотата. При этом эвфемизм не вытесняет табуированную единицу, сосуществуя вместе с ней, подчас табуируясь и заменяясь в дальнейшем новыми эвфемизмами, способствуя тем самым пополнению словарного запаса в древности. Эвфемистическая зашифровка возникает на основе нарочито неточной речи («языка обмана»). Использование таких способов непрямого обозначения предмета речи, как метонимия, метафора, перенос с вида на вид, с целого на часть делает эвфемизм своеобразным намёком, предлагающим читателю или собеседнику самому догадаться, о чём идёт речь.

Способами языкового выражения эвфемизации карельских зоонимов являются:

1. метонимическая номинация

Большинство подставных названий образовано при помощи синекдохи, когда целое называется по своей части. В основном это соматически мотивированные зоонимы, акцент в которых делается на определённую часть тела животного. Так, названия волка (лисы) *hännikäs* ‘хвостатый’, *pitkähändä* ‘длинный хвост’ мотивированы такой характерной частью тела, как хвост зверя, его длина. Мотивацией подставных названий оленя (лося) могут являться рога, их размер: *šarvikko*, *šarvičča* ‘лось’ = ‘рогач’, *suurisarvine* ‘дикий олень’ = ‘большерогий’; длинные уши: *pitkäkorva* ‘лось’ = ‘длинноухий’; длина ног: *pitkäSORka* ‘дикий олень’ = ‘длинноногий’.

Многочисленные подставные названия медведя в карельском языке также включают ряд соматически мотивированных лексем: *leveiočču* ‘широколобий’, *leviekäpälä*, *levieloappa* ‘широкая лапа’, *karvajalka* ‘мохноногий’. Названия *karhu* (от прилагательного *karhea* ‘шершавый, грубый’), *ohto* ‘волосатый’ мотивируются наличием меха, его качеством.

2. метафорическая номинация

Генетическими метафорами следует считать явления, когда животное получает наименование на основе сходства с каким-либо другим объектом окружающего мира или простой ассоциацией и выступает в своём прямом значении. Так, лексема *hukku* ‘волк’ возникла на основе переноса абстрактного понятия ‘ущерб, гибель’ на зверя, ассоциируемого с данной семьей, а в основе подставного наименования волка *ruagačču*, *ruaguhändü* ‘хвост-палка’ лежит сходство волчьего хвоста с палкой.

Выбор того или иного образа – мотива метафоры связан не только с интенцией субъекта, но и с его миропониманием. Особое отношение карел к медведю как культовому зверю, мотив его божественного происхождения обусловил появление таких ‘возвышенных’ метафорических лексем, как *Kulta* ‘золото’, *Hopea* ‘серебро’, *Kuulu* ‘знатный’, *Jumalan vilja* ‘божественный хлеб’. Выбор семы ‘хлеб’ в качестве мотива метафоры встретился также в названии *emännänvilja* ‘скот’ = ‘хозяйкин хлеб’. Сопоставление скота и медведя с хлебом подчёркивает их значимость в жизни карел, особое уважительное отношение к ним.

Отождествление медведя с хозяином, ‘духом’ леса нашло воплощение в метафорах *meččä*, где архисема ‘лес’ заменяется новой семьей ‘медведь’, *meččäläini* ‘лесной’, *meččänelävä* ‘лесной житель’, *meččänmies* ‘лесной мужчина’, *meččänkuningas* ‘король леса’, *meččänomena* ‘лесное яблоко’.

Способность метафоры создавать сходство за счёт двуплановости – приложения к двум субъектам - проявляется в таких метафорических названиях медведя, как *lihasiemen* ‘мясное семя’, *karvalallo* ‘меховая копна’, *rahakarva* ‘денежный мех’, *mustaturki* ‘чёрная шуба’, *musta mies* ‘чёрный мужчина’.

Среди подставных названий медведя встретились также семы с пейоративной семантикой: *paha* ‘плохой’, *toppa* ‘сор’, *nokinen poika* ‘парень в саже’.

3. Как приём эвфемии может быть использована метафорическая прономинация (замена апеллатива онимом), например *Ošto* 'росомаха' < *Osmund*, *Mihalvanič* 'медведь' < 'Михаил Иванович', *peldopedroi* 'заяц-русак' < 'полевой Пётр', *tečänpeikko* 'медведь' < 'лесной Пётр'.

ОБ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ ВЕПСКИХ ПРИЧИТАНИЙ

О. Ю. Жукова

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

Особенностью языка фольклора является его ориентированность на традицию. В данном жанре «функционирование традиции обеспечивается традиционностью приемов причитывания – «общих мест» и правил их сочетания» [Чистов 1979: 15]. Определяющей особенностью жанра является импровизационный характер причитаний. Исполнитель каждый раз вновь создает свое произведение, используя традиционные темы, устоявшиеся клише, формулы. П. Лейно назвал причитание «традиционной импровизацией, где ее не повторяют слово в слово заученной окаменелостью» [Leino 1970: 250].

Стабильные поэтические образования, свойственные языку фольклора, не раз становились предметом исследования на материале русского устного народного творчества. У различных авторов встречаются разные термины этих устойчивых компонентов (постоянный эпитет, стилистическое клише, типические слова, стереотипная ситуация и др.) с разным смысловым наполнением. Мы будем применять наиболее часто встречающийся и широко вмещающий различные элементы материала термин «традиционная формула».

Традиционные формулы – это элементы, из которых строится текст. Для традиционных тем, мотивов существует набор формул.

Проанализировав имеющиеся тексты вепских обрядовых причитаний, можно выделить три основных типа традиционных формул:

1. *атрибутивные словосочетания* (по морфологическому признаку прилагательное + существительное) (*vouged voudeine* – «белая волюшка», *libed linduine* – «милая пташечка», *avarod armod* – «широкие ласки», *šuuuižed hibusuded* – «шелковые волосы»);

2. *синонимичные глагольные пары* (*pagištoitta i lodeižoitta* – «разговорить и разбеседовать», *kerazitoi i kogozitoi* – «собралась» *krasuitas i likuitas* – «красоваться и колыхаться»);

3. *формульные выражения* (*Miččen sinä radoižen-se radoid*, *miččen sinä dumeižen-se dumaid* – «какую ты работку наделал, какую думу надумал»).

Наиболее многочисленной является первая группа. Атрибутивные сочетания, встречающиеся в вепских обрядовых причитаниях, можно разделить по следующим основным лексико-семантическим полям:

1. **«термины родства и их метафорические замены»:** *kalliž kandeihudem* – «дорогая моя выносившая», *libed linduine* – «милая пташечка», *polni polnikeine* – «полная моя половиночка», *sötei tatoihudem* – «кормилец батюшка», *vesüü viikoihudem* – «веселый мой братец», *sula čižoihudem* – «милая моя сестрица»;

2. **«части тела человека»:** *käbed kädud* – «милая рученька», *laskou kelüt* – «ласковый язычок», *jalod jougaized* – «быстрые ноженьки», *veslad silmeized* – «веселые глазки», *šuuuižed hibusuded* – «шелковые волосы»;

3. **«дом, жилище»:** *korged kodine* – «высокий домик», *korktad horominaized* – «высокие хоромы», *dubovi stoleine* – «дубовый столик», *izo ikneine* – «милое окошко», *dubovijad pordhaižed* – «дубовые крылечки», *tazo laveine* – «ровный пол»;

4. **«природа»:** *käbed kezeine* – «красное лето», *vouged peiveine* – «белое солнышко», *tihed tomut* – «густая черемушка», *viher vihmeine* – «свежий (зеленый) дождик», *laged püudoine* – «широкое поле», *tazod zapol'kad* – «ровные заполюшки», *vihand nitüine* – «зеленый лужок», *melaz meceine* – «мильный лесок»;

5. «**абстрактные понятия**»: avarod armod – «широкие ласки», avar abid – «широкие обиды», paksud pagineizēd – «частые разговорчики», laskvad loduizēd – «ласковые речи», vouged voudeine – «белая волюшка», krasni krasoteine – «красная красота», čoma peiveine – «красивый денек», sulad sutkeizēd – «милые суточки».

Конечно, не все атрибутивные сочетания можно назвать традиционными формулами, а только те, которые неоднократно встречаются в причитаниях разных исполнителей. Однако, и при создании редких единичных словосочетаний учитываются традиционные принципы.

В вепских причитаниях эпитет почти всегда стоит перед определяемым словом, так называемое «препозитивное» расположение эпитета, что представляет собой древнюю закономерность порядка слов, характерную для финно-угорских языков [Накулинен 1955: 172].

Чем обусловлен выбор эпитета? Зачастую, у атрибутивных сочетаний наблюдается тождественность звуков в начале слов. Возникает как бы начальная рифма, связывающая, по крайней мере, два слова. (**sulad susedaižed** – «милые соседушки», **kalliž kasaine** – «дорогая косынька», **jalod jougaižed** – «быстрые ноженьки», **paha pahuz'** – «злое зло»).

Термином «аллитерация» принято называть звуковые повторы согласных и гласных, находящихся в абсолютном начале близкорасположенных слов. Данное выразительное средство, свойственное поэтике прибалтийско-финских народов, связано с устойчивым ударением на первый слог в этих языка

Несомненно, тождественность звуков в начале слов оказывало влияние на выбор эпитета и облегчало запоминание сложившихся стереотипных формул.

Užeske minä probuin, **kalliž kandjaihudem**,
Pagištoitta i lodeižoitta,
I stanovideske sinä, **kalliž kandjaihudem**,
Minunke **paksuile pagineizile**,
Laskvile loduizile-ni,
I **kalliž sinä kandjeihudem**,
Roditel' mamuško,
Jätid sinä meid gor'o-gor'kijoid
Äjou aigalaz, äjou penelaz...
[ФНК CD-6 №71]

Погоди-ко я попробую, дорогая моя выносившая,
Разговорить и разбеседовать,
И становись ты, дорогая моя выносившая
Со мной на частые разговорчики,
На ласковые речи,
И дорогая моя выносившая,
Родитель матушка,
Оставила ты нас горе-горьких
Очень рано, очень маленькими...

Таким образом, мы можем говорить о том, что на выбор эпитета влияет закон аллитерации.

Основной функцией эпитета является не выражение существенного качества предмета, а передача эмоционального, оценочного отношения. С учетом этого и подбирается эпитет. Он всегда несет эмоциональную нагрузку, что обусловлено спецификой жанра. Плачи призваны передать чувства оплакивающего и воздействовать на окружающих.

Функцию эмоционального усиления несут, и тавтологические приемы часто используются в языке фольклора. В данном случае поэтическое определение называет признак, имеющийся в существительном.

Časovijad časuižed – «часовые часочки»,
Trudovijad trudoizēd – «трудовые трудочки»,
Vesel vesel'stv – «веселое веселье»,
Paha pahuz' – «злое зло»,

Holvad holuded – «заботливые заботушки»,
Kibedad kibuded – «болезненные болюшки».

Определяемое слово в атрибутивных сочетаниях почти всегда выступает в деминутивной форме. При помощи суффикса репрезентируется положительная окраска слова. Кроме поэтической привлекательности и эмоционального усиления деминутивные формы могут иметь организующую функцию своеобразной рифмы. Jaiba sulad sutkeižed da jäl'gmeižed časovijad časuižed – «Остались милые суточка да последние часовые часочки».

«Общие места – это отстоявшиеся в сознании представления, и они особенно ценны как материал для изучения ранних форм поэтического мышления. Как правило, ни одно из формульных образований не может быть объяснено только лишь на основе поэтических данных» [Еремина 1991: 19].

При рассмотрении семантических особенностей традиционных формул необходимо учитывать, что словесные компоненты плачей ритуализированы связью с обрядом, и иногда в их основе лежат древние представления и верования.

Литература

1. Еремина В. И. Ритуал и фольклор. Л., 1991.
2. Читов К. В. Причитания у славянских и финно-угорских народов. Симпозиум-79 по прибалтийско-финской филологии. Петрозаводск, 1979, С 13-20.
3. Фонотека Петрозаводской государственной консерватории CD-6, № 71.
4. Leino P. Strukturaalinen alkusointu suomessa. Helsinki 1970.
5. Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1979. С. 499.

ФОРМЫ II ИНФИНИТИВА В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

П. М. Зайков

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

Во всех диалектах карельского языка суффиксом II инфинитива выступает **-е**, который представлен в двухосновных глаголах, а также в одноосновных глаголах со словарной формой на **-va, -vā, -ja, -jä**.

II инф. в инессиве			II инф. в инструктиве			I inf.
с.-кар.	ливв.	люд.	с.-кар.	ливв.	люд.	
muat-e-ssa	muat-e-s	magat-e-s	muat-e-n	magat-e-n		'спать'
juošš-e-ssa		juost-e-s	juoss-e-n	juost-e-n		'бежать'
männ-e-ssa	menn-e-s	mend-e-s	männ-e-n	menn-e-n	mend-e-n	'уйти'
oll-e-ssa	oll-e-s	old-e-s	oll-e-n	old-e-n		'быть'
näh-e-ssä	näht-e-s		näh-e-n	näht-e-n		'видеть'
syuvv-e-ssä	syvv-e-s			syuvv-e-n		'есть'
kapaloij-e-ssa	kabaloij-e-s		kapaloij-e-n	kabaloij-e-n		'пеленать'

В ливвиковском наречии карельского языка в одноосновных многосложных глаголах показателем II инфинитива является также **-je**, в некоторых случаях он представлен и в паданском, и в тихвинском диалектах собственно-карельского наречия, напр. kaččo-je-s kaččo-je-n 'глядя', kasta-je-s, kasta-je-n 'поливая', peittä-je-s, peittä-je-n 'пряча', (Паданы) syöttä-je-s, syöttä-je-n 'кормя', (Тихвин) l'ymmyttä-je-ssä, l'ymmyttä-je-n 'сгибая'.

В собственно-карельском наречии в тех случаях, когда словарная форма глагола оканчивается на дифтонг **ua, uo, ie**, падежное окончание инессива присоединяется непосредственно к форме I

инфинитива. При этом падежное окончание инессива имеет в своем составе палатализованный согласный *s*, а именно, *-s's'a*, напр. *vuottua-s's'a* 'ожидая', *kaččuo-s's'a* 'глядя', *kašvua-s's'a*, *kažvua-s's'a* 'во время роста', *kulkie-s's'a* 'шагая'. Объяснение палатализованного варианта падежного окончания следует, вероятно, искать в том, что некогда он следовал за гласным *i*, который обусловил смягчение последующего согласного.

Формы II инфинитива можно возводить к отглагольным именам с показателем *-*tV*, которые употреблялись в двух падежах: инессиве и инструктиве. Формы II инфинитива обнаруживаются практически во всех прибалтийско-финских языках: (фин.) *juos-te-ssa* 'во время бега', *anta-e-n* 'давая' (<**anta- de-n*), (вепск.) *söden* 'питаюсь', (водск.) *tulleza* 'приходя', (эст.) *joostes* 'во время бега', (ливск.) *laules* 'во время пения'. Скорее всего первоначально суффиксом II инфинитива был *-*te*, параллелей которому в дальнеродственных языках не обнаруживается. Роль гласного *e* в названном суффиксе окончательно не выяснена. По происхождению согласный *t* возник так же, как начальный согласный показателя I инфинитива *-*tak*, другими словами, он входил в состав суффикса отглагольного имени (Saukkonen P. 5-58, Häkkinen K 1985, 126). Тем не менее, формы II инфинитива на *-te* возникли позднее, чем формы основного инфинитива, а именно, в период прибалтийско-финской языковой общности (Saukkonen P. 1965, 5-58).

II инфинитив в инессиве

Формы II инфинитива в инессиве используются для выражения действия, происходящего одновременно с действием, выраженным основным глаголом, а также для выражения цели действия, напр. (Кестеньга) *Muategšša muamo guki* 'во сне мама кашляла'. (Паданы) *Vičča ol'i hänellä raimenduassa* (NKK, 113) 'во время пастьбы у него была вица'. (Тулмозеро) *Ottajes on neidine omenanmarju, pidäjes roih rahembi paкаčunmarjaa* (ОКР 1969, 187) 'когда завлекаешь девушку, она как медовая ягодка, а женишься на ней, становится хуже крушины'. (Галезеро) *Purastades ela ryöř umbäri lähtegess* (LT V, 19) 'во время колки льда не крутись вокруг полыньи'.

II инфинитив в инструктиве

Инструктивные формы II инфинитива употребляются для обозначения действия, характеризующего способ или образ другого действия. Они обозначают «как, каким образом протекает действие, выраженное основным глаголом».

(Oulanka) *Sussietat aina eletäh riijellen* 'соседи живут постоянно ссорясь'. (Реболы) *Ruoga valmis-tuu keittäen* 'еда готовится посредством варки'. (Сямозеро) *Juvven ei muga äijjä mene kuin syuven* (KS, 117) 'питья не так много уходит, как еды'. (Ведлозеро) *Kui lauloit taatoim tappajen* (КЭП, 329) 'так как пел ты, убивая моего отца'. *Et nyugöi leivän pastajua löyvä ni tulenke eččijen* (ФСКЯ, 222) 'теперь пекаря не найдешь, хоть с огнем ищи'.

В собственно-карельском наречии употребляется, главным образом, суффикс *-e* (*veny-e-n* 'лежа'). Имеются, однако, случаи, когда падежное окончание инструктива присоединяется прямо к словарной форме глагола, если она оканчивается на дифтонг, напр. (Паданы) *kanduo-n* 'неся', (Мяндусельга) *пакгуа-п* 'смеясь'. II инфинитив в инструктиве ограничен в своем употреблении: в тихвинском, дьержанском диалектах, а также в людиковском наречии он не употребляется.

Литература

- КЭП Карельские эпические песни. М.-Л., 1950.
ОКР 1969 = Макаров Г.Н., Рягоев В.Д. Образцы карельской речи. Л.
Häkkinen K. 1985 = Suomen kielen äänne- ja muotoarakenteen historiallista taustaa // Fennistica 6, Turku
ФСКЯ Федотова В.П. Фразеологический словарь карельского языка. Петрозаводск, 2000.
KS Miettinen Liisa ja Leino Pentti Karjalaisia sananpolvia. Helsinki, 1971.
LT V = Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä. V. // SUST Helsinki, 1984. N 165.
NKK = Näytteitä karjalan kielestä. I. Joensuu-Petroskoi, 1994.
Saukkonen P. 1965 Itämerensuomalaisten kielentulosijainfinitiiivirakenteiden historia. SUST 137.

ФРЕЙМОВЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ (ФИНСКОМУ) ЯЗЫКУ

С. В. Коробейникова

Петрозаводский государственный университет, г. Петрозаводск, Россия

В современных базовых стандартах говорится о коммуникативной направленности в преподавании иностранного языка. Грамматика может быть хорошо сбалансирована, так же как и обучение чтению, письму, аудированию и говорению. Достаточно ли этого для успешного овладения языком? Существует ли еще что-то, что влияет на успешность усвоения языка?

На протяжении многих лет при стремлении учителей иностранного языка научить своих учеников говорению и общению, сталкиваются следующие проблемы – **тематический подход** и обучение **свободной коммуникации**. В 70-80-е годы на Западе активно развивалась теория естественного дискурса с ее интересом к описанию таких категорий как интерактивные ходы, дискурсные стратегии, статусные взаимоотношения. Это было время интереса к прагматике и, прежде всего, к описанию способов выражения иллокутивных функций (коммуникативного намерения говорящего – приглашения, просьбы, сомнения и т. п.)².

Фреймовый подход в обучении³ представляет собой попытку перенесения в методику обучения иностранным языкам концепции, известной под названием фреймовой гипотезы. Теоретическая платформа предлагаемой методической концепции связана с известными работами американских лингвистов и специалистов в области искусственного интеллекта М. Минского, Ч. Филлмора, Р. Шэнка, Т. Ван Дейка и достаточно хорошо известна в лингвистических кругах. По мнению Минского, фрейм – это иерархическая структура для представления знаний о некоторой стереотипной ситуации. Заметим, что фреймы – это элементы когнитивной базы человека, во внешнем мире их нет. В голове «среднего» носителя языка есть знания, например, о том, что в создании спектакля участвуют режиссер и актеры, причем он знает, какие действия выполняет каждый из участников. Фрейм представляет собой форму, принятую в современной лингвистике для упрощенного, схематичного отображения этого набора знаний.

Создатели фреймовой гипотезы утверждают, что в когнитивной базе человека знания о мире как бы сращиваются с лексикой: лексема «спектакль» является входом в целую область знаний.

Так, специалист в области права знает, какие типичные действия выполняет каждый из участников судебного процесса: судья *выносит решение о вызове повесткой в суд, может отклонить возражение во время судебного процесса, разрешит приобщить доказательство к делу* и т. д. А другой не менее важный участник судебного процесса – истец – делает совсем другое.

Идея переноса фреймовой гипотезы из лингвистики (или, точнее, из сферы когнитологии) в методику преподавания иностранных языков прозвучала еще десять лет назад.^{4,5,6} В последние годы эта идея значительно окрепла, была защищена в диссертационном исследовании⁷, где убедительно показано принципиальное отличие учебного фреймового словаря от существующих «тематических».

Фреймовский подход к отбору и организации лексики

Известно, что в процессе овладения иностранным языком на среднем этапе самые большие проблемы у учащихся связаны с лексикой: основные элементы грамматики уже пройдены, количество новых для них слов, а главное – выражений (устойчивых словосочетаний) составляет лишь несколько сотен единиц. Обилие учебного материала и, зачастую, скромные результаты обучения заставляют задуматься над тем, насколько эффективны существующие способы обучения языку.

Расширение лексического запаса может происходить и за счет работы с текстами – тогда в качестве новой лексики берутся встретившиеся в тексте незнакомые слова, - или с тематическими

² Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVI. Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985. С. 17.

³ Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.

⁴ Коппл Э., Латышева А.Н., Паршин П.Б., Обучение иностранным языкам: Лингвистика и методика (идеи, проблемы перспективы) // Научно-техническая информация. Серия 2. Информационные процессы и системы. М., 1992. № 2.

⁵ Паршин П.Б., Латышева А.Н. «Фреймовая гипотеза» и проблема создания учебника коммуникативного типа. // Актуальные проблемы изучения и преподавания филологических дисциплин. Оптимизация учебного процесса. Тез. Доклада научно-методической конференции. Харьков, 1989.

⁶ Халева И.И. Основа теории обучения пониманию иноязычной речи. М., 1989.

⁷ Тюрина Г.А. Фреймовый способ организации лексики в практическом курсе русского языка как иностранного. М.: МГУ, 2000.

группами. В первом случае появление новой лексики случайно. Второй способ предполагает тематический выбор слов, который может принять вид отбора по соответствующим фреймам (сценариям).⁸

На уровне старшего звена средней школы можно предложить для изучения отдельные темы, например, «Проблемы выживаемости человечества» - угроза терроризма, экология, «Спорт» - Олимпийские игры, семейные увлечения, «Система образования России и Финляндии» и другие темы, предполагающие умение свободно рассуждать и дискутировать при их рассмотрении.

А.Н. Латышева в статье «Учебники русского языка и фреймовый подход к обучению инофонов»⁹, приводит в качестве примера разработанный совместно с С.Д. Леоновой фрагмент учебного фрейма по теме «Террористические акты». Пример представляется нам интересным и с точки зрения злободневности и как схема для составления учебных фреймов по другим темам. Как это диктуется общими законами, в предлагаемом авторами фрейме содержатся слова, обозначающие типичных участников ситуации, названия их типичных действий.

Интересно и то, что учащиеся, знакомясь с фреймом, узнают о том, что наиболее актуально в разговоре на данную тему. Такая организация материала полезна при обучении говорению или письму, т. е. порождению речи.

Фреймовый подход при организации практики речи

«Фреймовый подход» является не только способом представления лексики. Он влияет и на отбор и составление текстов для чтения, и на организацию речевой практики.

Имея в своем распоряжении учебный фрейм по определенной теме, учитель может свободнее подбирать тексты, интересные для обсуждения, т. к. наличие фрейма снимает с текста задачу представления лексики по теме. Опыт показывает, что в естественных для дискурса текстах по теме тематическая лексика иногда практически не встречается. Таким образом, текст в данном случае не является основой при овладении лексико-грамматическим материалом, и преподаватель может отобрать для занятий яркие, дискуссионные материалы, содержащие новую для учащихся информацию или предлагающие неожиданное решение проблемы. Кроме того, любой учитель знаком с проблемой механического заучивания учебных текстов наизусть. В данном случае учащийся может выразить собственную точку зрения на ситуацию, оперируя слотами фрейма, а не только излагать представленную в тексте позицию автора.

В некоторых случаях речевую практику можно организовать вообще без текста, достаточно иметь список хорошо продуманных вопросов.

Целый ряд интересных фреймов, которые можно использовать в учебном процессе, описаны Т. И. Поповой¹⁰ в исследованиях, связанных с интервью. Например, фрейм «Путь к успеху» состоит из следующих слотов: «Помощь со стороны» *У Вас была поддержка на пути к журналистике? Кто Вам в этом помогал?* «Препятствия», «Способ достижения успеха» *Как Вы добились успеха? Как ты за такое короткое время добился успеха?* «Личное участие» *Были ли Вы усердны в таком труде? Чего Вам это стоило?* (59:58) На базе этого фрейма возможно создание фрейма об учебе, о будущей профессии, об учебе в вузе и т. д.

Н. Латышева в статье «Учебники русского языка и фреймовый подход к обучению инофонов» формулирует тезис о том, что фреймовый подход – это опора на учебный фрейм, вокруг которого строится работа над лексикой и всеми видами речевой деятельности. То есть не текст, не абстрактная тема, а учебный фрейм является стержнем обучения, что дает возможность уйти от искусственно созданных «мертвых» «учебниковых» текстов.

Фреймовый подход и отдельные его элементы используют некоторые зарубежные авторы при написании учебников иностранного языка. (Д. и Л. Соарс в учебнике английского языка Headway¹¹). Работа с текстом и схемой стимулирует самостоятельную работу по созданию рассказа на предложенную тему.

Ранее уже упоминалось о работе, связанной с телеинтервью; нужно отметить, что на жанр интервью вообще следует обратить особое внимание. В работах А.А Кибрик¹² и Т. И. Поповой приводится интересное исследование реальных телевизионных и газетных интервью. Авторы показы-

⁸ Минский М. Фреймы для представления знаний. М., 1979.

⁹ Латышева А.Н. учебники русского языка и фреймовый подход к обучению инофонов. // Мир русского слова 2004, №3, С 7.

¹⁰ Попова Т. И. Телеинтервью в коммуникативно-прагматическом аспекте. СПб, 2002.

¹¹ Soars Dohn, Soars Liz. Headway. English course. Oxford University Press. 1997.

¹² Кибрик А. А. О некоторых видах знания в моделях естественного диалога // Вопросы языкознания. 1991. № 1.

вают, что в основе многих интервью лежит априорный конкретный фрейм, построенный на базе стандартного, и корреспондент, задавая вопросы, движется по фрейму. Курс английского языка, представленный в учебнике Headway, предлагает многочисленные интервью с людьми разных возрастов, профессий и социальных слоев. Например, текст, отражающий беседу с музыкантом, содержит вопросы, получая ответы на которые, корреспондент заполняет слоты фрейма:

- Когда музыкант начал играть?
- На каких инструментах он играет?
- Когда начал играть профессионально?
- С какими группами работал?
- Сколько пластинок выпустил?
- Всегда ли работал в группах?
- В каких странах бывал с гастрольями? И пр.

Стремление к реализации фреймового подхода в обучении предполагает создание (или поиск) таких текстов, в которых не нарушены требования естественного дискурса. При создании фрейма необходимо учитывать как обязательную лексико-грамматическую составляющую данного уровня, так и элемент креативности.

В качестве примера можно привести несколько слотов фрейма «Театр»

Katsoja <i>Yleisö</i> <i>teatterinystävä</i>	Olla ihastuksissaan <i>ohjauksesta, näyttelijän esityksestä</i> Aplodeerata <i>näyttelijälle</i> Suuttua <i>huonosta esityksestä</i> Joutua <i>suuttumuksen valtaan</i> Kritisoida Käsitellä <i>vilkkaasti</i> Olla <i>vaikutelman vallassa</i>
Näyttelijä Näyttelijäkunta Kärkiryhmä	Näytellä <i>pääosaa</i> Näytellä <i>toisarvoista osaa</i> <i>Antautua koko sielullaan</i>
Ohjaaja <i>- mielikuvituksen lento</i> Luova etsintä Modernisointi Uudistus	<i>Ansaita yleisen tunnustuksen</i> vaikuttaa <i>menestykseen</i> epäonnistua
Skenaristi Käsikirjoitus	Tehdä <i>käsikirjoituksen</i> Tulla <i>näyttämölle</i> Tulla <i>kuuluisaksi</i> <i>Tehdä fiasko</i>
<i>Boheemit</i> <i>Teatterin tunnelma</i>	Elää <i>teatterielämää</i> Nauttia <i>tunnelmasta</i>
sali	
sali katsomo Permanto Parveke	Olla <i>täynnä</i> Varata <i>permantopaikat</i> Istua <i>eturivillä</i>
Teatterinlava, näyttämö Lavastus <i>Väliverhot</i> <i>kulissin</i>	Olla <i>upea</i> Tulla <i>kulissimesta</i>
näytelmä	
Koe-esiintyminen Ensi-ilta Roolien jako	Esittää <i>uudelleen</i> pilata tehdä <i>hyvän vaikutelman</i> jättää <i>vaikutuksen</i>

ЗАПАДНАЯ ИНГЕРМАНЛАНДИЯ: ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ В ЗЕРКАЛЕ ТОПОНИМИКИ

А. В. Крюков

Ономастический архив Ингерманландского союза, Санкт-Петербург, Россия

Горщина, Подгорщина, Земельщина, Лесовщина. Эти названия можно услышать в Западной Ингерманландии и сегодня, а в недавнем прошлом они были общеизвестны. Их, несомненно, слышали многие исследователи, посещавшие деревни Петергофского и Ямбургского уездов Петербургской губернии. Тем не менее, эти названия не привлекли к себе достаточного внимания, так что в научной литературе упоминания о них практически отсутствуют.

Автору данной публикации пришлось слышать вышеприведённые названия в ходе полевых работ в Ингерманландии в 1990-х годах. Из контекста было понятно, что данные названия – скорее всего, топонимы. Затруднение вызывало то обстоятельство, что они были сугубо народными (неофициальными) – и соответственно, отсутствовали на картах. Отнесение их к какой-либо определённой разновидности топонимов (ойконимы? оронимы?) было затруднительно. Собеседники часто не могли конкретизировать местонахождение этих объектов – хотя сами, несомненно, понимали, о чём речь.

Сравнительно чаще других упоминалась *Горщина* – место меновой торговли, расположенное, как представлялось жителям побережья Финского залива, в окрестностях Копорья. Внешне топоним *Горщина* напоминает ойконимы (ср. Андреевщина, Савольщина), и скорее всего, принимался многими за ойконим. Поскольку топоним *Горщина* известен местному финскому населению (в форме Korššina), были попытки отождествить его с дер. Корчаны (финск. Korššina) в Волосовском районе.

В результате многолетней фиксации упоминания топонима *Горщина* стало возможным локализовать ареал его бытования, и понять, что это, собственно, за объект.

Итак, *Горщина* известна в деревнях по побережью Финского залива (главным образом в пределах Ломоносовского района, не восточнее г. Ломоносов), но также и в местах, более удалённых от побережья. В деревнях, расположенных по высокому краю Ижорской возвышенности, от Котлов на восток – до Копорья и Глоблиц, получаем подтверждение, что *Горщина* находится именно здесь.

Местными жителями (как и жителями побережья) *Горщина* воспринимается прежде всего как некая населённая местность – и притом, весьма замечательная. Деревни Горщины расположены большей частью при родниках, выходящих их верхних пластов известняка, образующего Ижорскую возвышенность. Из окон домов нередко виден Финский залив, побережье которого находится на расстоянии 12 – 25 км. Овраги и крутые склоны Ижорской возвышенности устраняют избыточное увлажнение почвы и создают красивый «горный» ландшафт. Край возвышенности по большей части безлесный – он освоен земледельческим населением не позже начала II т.сл.н.э. Деревни Горщины образуют «кусты», отделённые значительными промежутками от населения центральной части Ижорской возвышенности. Жители Горщины считались зажиточными: они преуспевали благодаря земледелию, скотоводству, ремёслам и меновой торговле.

Итак, Горщина – это во-первых, природный объект – Балтийско-Ладожский уступ (глинт), во-вторых – многочисленная группа деревень, расположенных по краю «горы» и вблизи от него, и в-третьих – это давно сформировавшаяся группа населения.

Этническая принадлежность населения Горщины в XX веке – водь («чудья»), постэтническая водь («русские»), ижоры, русские («старожилы» и «переведенцы»), в малом числе – ингерманландские финны и эстонцы. Население Горщины коррелирует с этнотерриториальной группой воды – *mäcäläized* (от водского mäci ‘гора’).

Подгорщина находится в Кингисеппском районе – там, где Горщину и морское побережье разделяет полоса крупных озёр. Старейшие водские деревни Подгорщины (Бабино, Иципино, Ундово) сосредоточены в окружности Бабинского и Глубокого озёр, в бассейне Систы и её притока Сумы. В нижнем течении Систы находится куст ижорских деревень – возможно, бывших когда-то водскими

(Ильмово, Копаницы, Пятчино). У ингерманландско-финского населения Подгорщины (Вердия, Караваево, Матовка) также можно предполагать водский субстрат.

Жители Подгорщины считались бедными, а их жизнь – незавидной. Здесь не было ни хороших почв, ни значительных полей, ни пастбищ. Основу их хозяйства в XIX – начале XX вв. составляло отходничество.

Водское название Подгорщины – *Orko* ('долина'); жители Подгорщины называются по-водски *orkolaizõd* (этнотерриториальная группа воды).

Земельщина – название, употребляемое в местностях, прилегающих к побережью Финского залива (Кингисеппский и Ломоносовский районы), по отношению к земледельческому краю, расположенному от Горщины к югу и юго-востоку. *Земельщина* занимает юго-восток Кингисеппского, юго-запад Ломоносовского, северную часть Волосовского, северо-западную часть Гатчинского района. В географическом отношении *Земельщина* вполне соответствует Ижорской возвышенности (за исключением её северной окраины), и представляет собой волнистую равнину, наиболее возвышенную («выпуклую») в своей центральной части. Современные ландшафты Ижорского плато сформировались, видимо, уже к XV в., в результате земледельческого освоения этого обособленного региона.

Земельщина – густонаселённая местность; расстояния между деревнями невелики (часто 1-2 км). Счёт деревень в Земельщине идёт на сотни. Здесь трудно выделить кусты деревень; границы многочисленных, известных с XV в. погостов, были весьма неопределёнными и часто менялись.

Основное население Земельщины в начале XX в. составляли русские («старожилы» и «переведенцы»), ингерманландские финны и эстонцы; небольшими островками были представлены водь (Кёрстово) и ижоры (Лашковицы, Рукулицы, Тegliцы и др). В ряде деревень можно предполагать водский субстрат ижор (Коростовицы), русских (Кайболово, Литизно, Лоузно, Полобицы, Раговицы, Унатицы), финнов (Таровицы).

Жители Земельщины считались зажиточными; основу их благополучия составляли удобные пахотные земли. Движение прибалтийско-финского населения на Земельщину (с Горщины, Подгорщины, с побережья Финского залива, из бассейна р. Ижоры, в новое время – из Финляндии и Эстонии) происходило на протяжении многих столетий. В северо-западной части Земельщины компактное ижорское население сохранялось вплоть до XIX в. Переселение ижор на Земельщину происходило вплоть до начала XX в.

У воды, ижор и финнов Кингисеппского района Земельщина называется *Maa* ('земля'), у финнов Ломоносовского района – *Vena* (ср. финское *Venäjä* 'Россия'). Семантика первого из этих названий соответствует русскому названию *Земельщина*. Название *Vena* можно трактовать как «местность, давно освоенная русским населением». Общего названия жителей Земельщины в местных прибалтийско-финских языках неизвестно, но оно легко может быть реконструировано в виде **maalaizõd* и **venäläized*. Соответственно, можно предполагать существование в прошлом ещё одной (и весьма значительной) группы воды – *maalaizõd*.

Лесовщина, или **Лесной край** – сравнительно малонаселённая местность к югу от Ижорской возвышенности. О Лесовщине (южная часть Волосовского, юго-восток Кингисеппского районов) больше известно в смежных частях Земельщины (центральная часть Волосовского района); в самой Лесовщине это название малоупотребительно. Деревни Лесного края расположены, большей частью, по берегам притоков р. Луги – Вруды, Лемовжи, Пеледы – и их притоков. Похоже, что природные условия Лесного края (в первую очередь, ландшафты и почвы) не благоприятствовали земледельцам и не привели к возникновению здесь многочисленного населения. По-видимому, именно через Лесной край (по рекам Вруде и Лемовже) группы древнерусского населения попали на Ижорскую возвышенность, ставшую впоследствии Земельщиной.

В этническом отношении Лесовщина сравнительно однородна: в XIX-XX вв. кроме русских, здесь жили в незначительном числе только эстонцы. Происхождение русского населения Лесовщины исследовано ещё недостаточно. Вопрос присутствия здесь в прошлом прибалтийско-финского населения остаётся открытым.

У финского населения Волосовского района Лесной край называется *Metsämpuoli* ('лесная сторона'). Южная граница расселения ингерманландских финнов совпадает с ландшафтной границей Земельщины и Лесовщины. Ограничивающая с юга Лесной край р. Луга является южной границей исторической Ингерманландии (входившей в XVII в. в состав Швеции).

Итак, Ижорская возвышенность – область встречного освоения хороших земель древнерусским, водским и ижорским, позже – финским и эстонским населением.

Названия *Горщина*, *Подгорщина* и *Земельщина* соответствуют, в различной степени, известным в XIX–XX вв. этнотерриториальным группам води. Неполное совпадение ареала бытования этих топонимов с локализацией обозначаемых ими объектов (ареалы бытования расположены, в ряде случаев, севернее объектов) может быть аргументом в пользу прибалтийско-финского (водского) происхождения данных топонимов.

Приведённый топонимический ряд дополняют *Ижорщина* и *Носовщина* (Кингисеппский район). Ижорщиной называют в окрестностях Ивангорода и Кингисеппа весь массив ижорских деревень по р. Луге и Росоне, а также и всё побережье Финского залива – от устья р. Нарвы до Лужской губы (включая и Курголовский полуостров).

Население Ижорщины в этническом отношении разнородно: его составляют ижоры, финны и водь, в небольшом числе эстонцы и русские.

Русскому топониму *Ижорщина* нет прямого прибалтийско-финского соответствия. Жители Дубровки (Suokylä) называют обитателей ижорских деревень, расположенных вниз по течению р. Луга, словом *alahaiset* ('низовые'). Сами жители деревень по р. Луге называют себя *laukasoiset* ('лужские'). У ижор дер. Извоз, Кейкино, Орлы и Фёдоровка зафиксировано самоназвание *jamalaiset* ('ямбургские'). Жители финских и ижорских деревень Курголовского полуострова называют свою местность *Ranta* ('Берег'). Водские деревни побережья Лужской губы образуют ещё одну этнотерриториальную группу води – *randalaizõd*.

Представляется, что русский топоним *Ижорщина* не является древним и образован по аналогии с другими названиями данного ряда. Во всяком случае, *Ижорщина* включает в себя две исторически различные группы населения – с одной стороны, жителей бассейна р. Луги – и с другой стороны, обитателей побережья Финского залива.

Носовщина – это населённый преимущественно ижорами Сойкинский полуостров.

Ижорское соответствие русскому топониму – *Nenove* (nenä 'нос'). Замечательно, что сами ижоры-сойкинцы относят к *Nenove* не все сойкинские деревни (их около 30), а только те, которые расположены от них севернее, т.е. ближе к «носу». От названия *Nenove* не образуется топонима (самоназвания сойкинских ижор – *karjalaiset*, *šoikkulaiset*). О былом присутствии здесь води говорит название одной из деревень – Водский конец.

Западная Ингерманландия – область давних и длительных этнических контактов. Побережье Финского залива вплоть до XX в. было зоной преобладания прибалтийско-финских языков (водского, финского, ижорских диалектов). Языковые границы с течением времени смещались. Ареал ижорских диалектов расширился на юг – в том числе и за счёт уменьшения ареала водского языка (Ижорщина, Носовщина). Земледельческое освоение Ижорского плато происходило, по-видимому, не только с юга (русские), но и с северо-запада (водь), а также с севера и с юго-востока (ижоры). Образовавшееся в результате этнических контактов метисное население Земельщины на протяжении столетий подвергалось обрусению (местами – финнизации). Горщина и Подгорщина, где по-видимому, происходило формирование водской народности, к XIX в. оказались в зоне преобладания русского языка. Экономическое и политическое давление русского языка привело к «съёживанию» ареала водского языка до узкой и прерывистой полоски в Горщине и Подгорщине, и к практически полному обрусению води в XX в.

ЭТИМОЛОГИЯ НАЗВАНИЙ НЕКОТОРЫХ ДЕТСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Т. В. Пашкова

Петрозаводский государственный университет, Петрозаводск, Россия

Лексика народной медицины в карельском языке исследовалась довольно слабо. Собранный нами в полевых условиях и словарный материал, позволяет делать некоторые обобщения и выводы

в частности относительно названий детских болезней. В данной статье попытаемся определить некоторые характерные заболевания у карельских детей и этимологизировать эти названия.

В письменных источниках названия болезней изменялись на протяжении многих тысячелетий. Используемые в обществе названия болезней зависели от того, какое было у народа представление о причинах и симптомах того или иного заболевания. До 18 века у врачей и простого населения были общепринятые представления о болезнях и существовали общепринятые названия, которые возникли ещё в античные времена. (Vuorinen, 2002, 23-24) В античное время считали, что в теле человека течёт жидкость, и болезнь возникает в результате того, что эта жидкость начинает течь неравномерно: или жидкости стало слишком много или слишком мало, или качество жидкости изменилось. Помимо этого, в античное время были уверены, что у одной и той же болезни могут быть абсолютно разные симптомы. Эта теория просуществовала более 2000 лет, испытывая разнообразные изменения. Сейчас в медицине у многих болезней обозначены совсем другие симптомы, чем в античности, но названия почти всех болезней заимствованы с античных времён (латинские заимствования), например, *astma* ('астма'), *kolera* ('холера'), *lepra* ('проказа') и т.д. В к. 17–н. 18 вв. в финском языке "античные" названия стали заменять на финноязычные или использовали и латинский вариант и финский. (Vuorinen, 2002, 24-25)

Рассмотрим теперь всё вышесказанное на конкретных примерах, например, болезнь "**щетки**".

harjaš (Uhtua, Tver) (KKS, 1, 175); *počin sugahad* (Säämäj) (NKK, 1994, 273); *šugahat* (тв.г.) (СКЯ, 1994, 279); *sugahat* (Пряжа); *harjas* (фин.) (KKS, 1, 175)

Этим заболеванием в детстве страдали многие дети. Причиной её были мелкие вкрапления в кожу первичного волосяного покрова на шее, лопатках, вдоль позвоночника и в районе крестца, наружной и боковых поверхностях предплечья, вокруг сосков на груди и в области солнечного сплетения. (Логоинов, 1993, 91) Щетки были очень острые, как кончики иголки, белого цвета и похожи на шерсть или щетину свиньи, поэтому эту болезнь и называли "**щетка или свиная щетина**". (Virtaranta, 1958, 157) Слово *suvas* (мн.ч. - *sugahat*) образовано от существительного *suka* ('щетка'), которое имеет арийское происхождение **śuka-sūkā* ('зубец, иголка, острие'). (SSA, 3, 209) Название *harjas* (мн.ч. - *harjakset*) является балтийским заимствованием лит. – *šerŷs*; лат. – *sars, saris* (мн.ч. - *sari*). (SSA, 1, 142)

Очень распространённым заболеванием среди детей была **грыжа**.

kriisi, kila, kilo, tyrä (Uhtua) (KKS, 2, 376), *häkytys* (Suoj) (KKS, 1, 383), *griizi* (Tver) (KKS, 2, 376); *häkytys, häkytyznaba, griizi, tyrä* (Säämäj) (KKS, 1, 383), *griizi~riizi* (Salmi) (KKS, 2, 376); *türä* (у взрослых), *häkütav* (у детей) (Пряжа); *tyrä* (KKS, 2, 376); *kohju* (KKS, 2, 195); *revehtymä* (NS, 1992); *riisi* (SKES, 3, 789) (фин.)

Слово *tyrä*, используемое в ливвиковском наречии карельского языка и фактически во всех финно-угорских языках, было заимствованно из диалектов шведского языка от слова *tyre*. (SSA, 3, 348) Название *riisi* в финском языке было заимствовано из саамского языка *rjīš*. (SKES, 3, 789) В людиковское наречие карельского языка (*griiža*) и в вепсский язык (*griiž[a]*) название пришло из русского языка (**грыжа**). (SKES, 3, 789) Слово *häkütús* образовано от глагола *häküttiä* ('надуть грыжу') с использованием суффикса *ús*. Финское название *kohju* является дескриптивным, как и слово *kohje*. (SSA, 1, 382)

До года, как правило, ребёнок спал в люльке. В этот период ребёнок считался сильно подверженным **сглазу** или **порче**

silmävys (Suoj) (KKS, 5, 388), *rikkiet.* (с-к.н.) (Зайков, 1999, 156), *suutelus.* (с-к.н.) (Зайков, 1999, 177); *silmävys* (Säämäj) (KKS, 5, 388); *virtútús* (ливв.) (СКЯ, 1990, 436); *rikos* (тв.г.) (СКЯ, 1994, 236), *šuwdelus* (СКЯ, 1994, 282); *silmävütettü* (Пряжа); *suutelus, silmäys* (Virtaranta, 1978, 245); *pahalla silmällä katsominen, katseella pilaaminen* (Куусинен, 2000, 1204-1205) (фин.)

Название *virtútús* образовано от глагола *virtüö* ('подвергнуться сглазу, порче') с использованием суффикса *tús*. Возможно, что финский глагол *virttyö* ('заболеть от сильной похвалы') заимствован из саамского языка *vir'tot* ('изменяться, меняться'). (SSA, 3, 460)

Весной, когда дети бегали босыми ногами по лужам и просто по улице, у них появлялись **цыпки на ногах**

variksensoappoat (KKS, 6, 500), *varoinsoapat* (KKS, 6, 502), *kurennuokkimat* (Virtaranta, 1993, 194) (с-к.н.); *varoinkäpčät, varoinsorkat, varoinsuappuat, varoinkotat* (ливв.) (СКЯ, 1990, 418); *čipkat* (тв.г.)

(СКЯ, 1994, 29), *kurrenšuaappaida* (тв.г.) (СКЯ, 1994, 123); *variksen saappaat* (KKS, 6, 500); *sierrettymä, sierrottuma* (Куусинен, 2000, 1479) (фин.)

Во время этого заболевания, у детей лопалась кожа на ногах и была похожа на кожу на лапах птицы (вороны), поэтому карелы стали использовать название **variksen saappaat**. (Virtaranta, 1958, 147) В некоторых деревнях тихвинских карел использовали название **kurrenšuaapat** или **kurren-*nuokkimat***, потому что цыпки появлялись весной, именно в то время, когда прилетали журавли. (Virtaranta, 1980, 126)

К детским заболеваниям следует отнести **рахит, болезненная худощавость, “собачья старость”**

koirantauti, koiranvanhus (KKS, 2, 279); *riistauti* (Virtaranta, 1993, 194) (с-к.н.); *koirantaudi* (Säämäj) (KKS, 2, 279), *koiranvahnus* (ливв.) (СКЯ, 1990, 149); *riisitauti* (KKS, 2, 279); *riisi, rakiitti* (Куусинен, 2000, 1147) (фин.)

Во время этого заболевания ребёнок очень сильно худел, а во всех его членах появлялась мелкая дрожь, симптомы рахита напоминали большую собаку в старости и именно поэтому карелы стали использовать название детской болезни **koiranvanhus** или **koirantaudi**, что дословно переводится как “собачья старость или собачья болезнь”. (Логинов, 1993, 95)

Для сравнения отметим, что у русских названием “собачья старость” или “собачья немочь” обозначали болезнь не рахит, как у карел и вепсов, а сильное изнурение у детей, при котором лицо принимало старческий вид. (Забьлин, 2003, 397)

Используемое в финском языке название **rakiitti** впервые появилось в 1650 году. Это название начал использовать английский учёный Френсис Глиссон в отношении детского заболевания костей (**rachitis**). Он написал статью об этом заболевании, которая привлекла всеобщее внимание и после этого на протяжении долгого времени рахит называли “Английской болезнью”. В Финляндии заболевание рахит появилось только во второй половине 18 века. Но слова **riisi** и **riisitauti** уже до этого времени использовались в языке для обозначения другого заболевания. В 1749 году появились списки умерших детей, симптомы болезни, от которой они умерли, были похожи на симптомы рахита (эти же симптомы указывал Глиссон в своей статье), но они также совпадали с симптомами болезни, которую финны называли *riisi* или *riisitauti*. После этого эти два названия начали использовать только для обозначения “Английской болезни”. (Forsius, www.saunalahti.fi)

Таким образом, названия болезней в карельском языке, в основном, являлись германскими, шведскими, русскими или балтийскими заимствованиями, образовывались суффиксальным способом, или само название несло в себе основные симптомы заболевания.

Источники и принятые сокращения:

Забьлин М. Русский народ: Его обычаи, предания, обряды. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. – 608 с.

Зайков П. М., Ругоева Л. И. Карельско-русский словарь. Петрозаводск, 1999. - 224 с.

Логинов К. К. Семейные обряды и верования русских Заонежья. Петрозаводск, 1993. – 229 с.

Куусинен, 2000 = Новый большой русско-финский словарь: в 2-х т. / Под ред. Куусинена М. Э. – 2-е изд. – М.: Рус. яз., 2000. – 784 с.

СКЯ, 1990 = Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) / Сост. Г. Н. Макаров. Петрозаводск, 1990. – 495 с.

СКЯ, 1994 = Словарь карельского языка (тверские говоры) / Сост. А. В. Пунжина. Петрозаводск, 1994. – 396 с.

Forsius A. Kuvauksia lääketieteen historiasta. – www.saunalahti.fi

KKS, 1 = Karjalan kielen sanakirja. 1. osa // LSFU. Helsinki, 1968. XVI, 1. – 576 s.

KKS, 2 = Karjalan kielen sanakirja. 2. osa // LSFU. Helsinki, 1974. XVI, 2. – 591 s.

KKS, 5 = Karjalan kielen sanakirja. 5. osa // LSFU. Helsinki, 1997. XVI, 5. – 634 s.

KKS, 6 = Karjalan kielen sanakirja. 6. osa // LSFU. Helsinki, 2005. XVI, 6. – 782 s.

NKK, 1994 = Näytteitä karjalan kielestä. I. Joensuu – Petroskoi, 1994. – 457 s.

NS, 1992 = Nykysuomen sanakirja. 2., 3., 4., 5., 6. osa. Porvoo-Helsinki-Jyväskylä

SKES, 3 = *Itkonen E., Joki A.* Suomen kielen etymologinen sanakirja. 3. osa. Helsinki, 1962

SSA, 1 = Suomen sanojen alkuperä (etymologinen sanakirja). 1. osa. Helsinki, 1992

SSA, 3 = Suomen sanojen alkuperä (etymologinen sanakirja). 3. osa. Helsinki, 2000

Virtaranta P. Katri Peräläinen, inkeriläinen kielenoppaani // Kertojat ja kuulijat / Toim. Laaksonen P. Helsinki, 1980. S. 117-136

Virtaranta P. Kynällä kylmällä – kädellä lempimällä. Helsinki, 1993. – 356 s.

Virtaranta P. Vienan kansa muistelee. Porvoo-Helsinki, 1958. – 804 s.

Virtaranta P. Vienankyliä kiertämässä. Helsinki, 1978. – 700 s.

Vuorinen H. Tauti(n)en historia. Tampere, 2002. – 375 s.

Информанты:

Капшина Р. Г. (1938 г.р., Пряжа)

Сокращения:

ливв. – ливвиковское наречие

с-к.н. – северно-карельское наречие

тв.г. – тверской говор

фин. – финский язык

Uhtua = Ухта

Suoj = Suojärvi = Суоярви

Tver = Тверь

Salmi = Салми

Säämäj = Säämäjärvi = Сямозеро

СОДЕРЖАНИЕ

О. М. Жаринова. ЭВФЕМИЗАЦИЯ ЗООНИМОВ В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ	247
О. Ю. Жукова. ОБ АТРИБУТИВНЫХ СЛОВСОЧЕТАНИЯХ ВЕПСКИХ ПРИЧИТАНИЙ	248
П. М. Зайков. ФОРМЫ II ИНФИНИТИВА В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ	250
С. В. Коробейникова. ФРЕЙМОВЫЙ ПОДХОД В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННОМУ (ФИНСКОМУ) ЯЗЫКУ	252
А. В. Крюков. ЗАПАДНАЯ ИНГЕРМАНЛАНДИЯ: ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ В ЗЕРКАЛЕ ТОПОНИМИКИ	255
Т. В. Пашкова. ЭТИМОЛОГИЯ НАЗВАНИЙ НЕКОТОРЫХ ДЕТСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ	257
СОДЕРЖАНИЕ	261

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

**«Северная Европа в XXI веке:
природа, культура, экономика»**

Секция «Общественные и гуманитарные науки»

Подсекция «Новые методы исследования в гуманитарных науках»
(школа молодых исследователей «Бубриховские чтения»)

***Дополнительные материалы Международной конференции,
посвященной 60-летию КарНЦ РАН***

Печатается по решению Президиума
Карельского научного центра РАН

Оригинал макет подготовлен в
Институте биологии Карельского научного центра РАН
Изготовление оригинал-макета *М. И. Сысоева*

Серия ИД. Изд. лиц. № 00041 от 30.08.99 г. Сдано в печать XX.XX.06 г. Формат 60x84¹/₈
Бумага офсетная UNION PRINT S. Печать офсетная. Уч.-изд. л.
Усл. печ. л. . Тираж экз. Изд. № . Заказ №

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
Петрозаводск, пр. А. Невского 50